

Миртинева В. И.

На нашу встречу в «Ленком» он, что называется, примчался. На бегу расплатился с таксистом, позвонил по телефону, схватил оставленную для него корреспонденцию, отвел меня в буфет, принес кофе, и, когда мы наконец уселись друг против друга, я, вздохнув, спросила:

— Николай Петрович, вы всегда живете в таком бешеном темпе!

— Знаете, если кто-то из актеров вам скажет, что недоволен своей жизнью, потому что у него должна быть ночная съемка, а только что он отыграл Гамлета и у него совсем нет сил, — не верьте. Большинство актеров мечтают о такой жизни. Спасибо судьбе, что у меня именно такая и есть.

Наверное, не надо хвататься за все, что тебе предлагают, наверное, надо беречь силы. Но, с другой стороны, если я все время буду ждать той самой одной-единственной гениальной роли, то, когда мне ее дадут, буду не готов — потерю форму. Найти середину очень трудно. Мне не удалось, хоть я и отказываюсь от 80 процентов предложений в кино, пьесах, выступлениях.

— Ваше имя в театре связывают с именем Марка Анатольевича Захарова, и немногие помнят, что вы пришли туда за несколько лет до него. Что с вами было в те годы!

— Главным режиссером тогда был Владимир Багратович Монахов, я проработал с ним четыре года. Когда пришел, театр был не на взлете, но мне повезло: я успел сыграть в спектаклях, которые здесь ставил еще Анатолий Васильевич Эфрос, — в «Мольере», «Снимается кино», «В день свадьбы». Актеры, работавшие с Эфросом, были «больные» его методом, очень подробно вводили нас в свои роли. Я не знаю, где еще может быть, за исключением театров-студий, чтобы на репетиции нового спектакля приходили не только занятые в нем актеры, но вся труппа.

— Что изменилось с приходом Захарова?

— О, Захаров — это особая статья. То, что он руководит театром, — счастье для нас всех. К тому же он, как никто из современных режиссеров, очень точно знает, чем сегодня может болеть душа человека. Захаров трудно прогнозировать, и это я тоже считаю большим достоинством.

Я радуюсь, когда у меня получается то, чего требует Захаров. Но сам же он приучал меня: «Не будь слепым исполнителем, будь сорежиссером своей роли».

Придя в театр, Марк Анатольевич установил некий тон взаимоотношений. Он выучил имена-отчества всех артистов и работников театра, чем вначале сильно порадовал. Он очень контактный, остроумный, живой в общении человек, но тем не менее не переходит ту грань, когда сегодняшние лизанье и дружба завтра могут помешать на работе. Он не отщипывает студийности, братства, но театр для него — прежде всего профессия.

— Если бы Захаров предложил вам главную роль в новом фильме, а вы бы видели, что это не ваша роль, отказались бы или согласились?

— Я человек русский, согласился бы, наверняка. Своей работой в театре Захаров уже подтвердил, что как актера знает меня лучше, чем я сам.

— Вы ждете этого предложения? Втайне?

— Ну втайне, конечно, жду, хотя тут эгоизм двойной: мне очень жаль, что Марк Анатольевич, имея свой театр, тратит силы еще на что-то. Я понимаю: снимать кино безумно интересно. Но ведь надо ночь не спать, и не одну, чтобы придумать, скажем, очередную «Киносерпантин». А может, лучше помучиться и поставить еще один спектакль? У него такая роскошная актерская команда, собственное детище — театр, где он не до конца себя исчерпал.

— А вас не смущает, что сегодня очень многие деятели культуры занялись политикой в ущерб своей основной профессии!

— Смущает. Я смотрю, как они с самых разных трибун вещают об экономике, экологии, международном положении, и думаю: «Господи, ведь он размышлял над тем, как выглядеть, и даже загримировался! Вот кинорежиссер. Что он снял за эти годы? Вот драматург. Когда он написал последнюю пьесу?» Я понимаю: болит душа за искусство, за мир, за страну, за Ирак с Афганистаном. Но больше пользы людям, жизни, стране ты принесешь, занимаясь своим прямым делом, где Бог дал тебе более всего таланта. Как бы ни был человек умен, он что, так сразу может точно разобраться в программе «500 дней»? Чем программа Шаталина отличается от программы Абалкина и что предлагает Рыжков?

— Спустимся с политических высот на землю. А что не нравится вам в вашем театре!

— Я говорил о дозахаровском периоде. Тогда для меня и для всех ребят, с которыми мы вместе пришли, было невероятной радостью получение каждой роли. Сегодня актеры живут в театре в силу загрузки. И есть люди, которые действительно очень заняты. Но я подозреваю, что им это не в радость, а в тягость. После премьеры они начинают отказываться от роли, «сталкивать» ее, говорить: «Я не могу, вы меня перегружаете». И это при том, что актер, по моему глубокому убеждению, должен стремиться лишиться раз выйти на сцену, потому что, извините за высокий слог, если ты не фанатик своей профессии, значит, ты не артист.

— Чем же вы объясните такое охлаждение актеров к своей работе!

— Может быть, тем, что увеличивается материальный разрыв между одной частью труппы и другой.

— Вы имеете в виду «систему звезд», которая установилась в «Ленкоме»!

— Это не система. Просто так сложилось, что у нас существует группа актеров очень популярных, знаменитых, которые снимаются в кино, ездят за границу. Многие вещи в жизни даются им легче, чем другим, перед ними открываются те двери, что закрыты для остальных. А человек — это человек, он тоже хочет все это получить быстрее. Начинает подгонять

Улыбка Тили

судьбу, соображать, что выгодно, что невыгодно. Меня это смущает.

Как только я начну себя сам оценивать, я перестану быть профессионалом, забуду, что мне и завтра, и послезавтра делать то же самое, что это моя работа.

— От многих людей я слышала, что «Ленком» — такое благодатное место, где нет ни зависти, ни амбиций, ни свар, ни дряг.

— Каждый актер — это довольно сложный клубок чувств, ощущений, непростой характер, не всегда подарок. Но в процессе работы наступает такой момент, когда мы «обнажаем» друг перед другом, когда мы обязаны не стесняться быть некрасивыми, не стесняться ошибок — а их я видел и у самых гениальных актеров. И вот тогда подкорки начинаешь понимать, что без этих людей ты не можешь, и надо благодарить судьбу за то, что она связала тебя с ними, что вместе мы можем создать нечто интересное. А если я начну думать: «Вот я должен сыграть лучше, чем он», то в первую очередь наврежу себе.

— Театр для вас — опора в жизни!

— Не знаю. Хотел бы верить в это. Я прочитал ту жуткую статью в «Известиях» про смерть Георгиевской. Не дай Бог и у нас такая же ситуация. Есть ли гарантия, что кто-нибудь позвонит, проверит, как чувствуют себя старики?

Мы ленивы, заняты, у нас текучка, мы все откладываем на завтра. Но бывают моменты, когда нужно бросить все дела и помочь.

— Вы заговорили о том, о чем я хотела спросить в связи с одной из первых ваших киноработ — «Старшим сыном» Александра Вампилова в постановке Виталия Мельникова. О том что иногда достаточно одного душевного движения по отношению к пусть даже чужим людям, чтобы остаться порядочным человеком. По-моему, вы сыграли там именно это и сыграли более чем убедительно. И потому, видимо, многие запомнили вас в кино именно со «Старшего сына» А что было до него?

— Первый мой фильм — «Одиноким один» Геннадия Полоки, режиссера, которому наша система помешала выжить себя в полную силу таланта. Для меня работа с ним была прекрасной школой. Я до этого уже довольно много играл в театре, а в кино — ну ни в зуб ногой. Он долго меня приучал, объяснял, что это за новый для меня мир, новая система существования, новые приемы актерской игры. В первый съемочный день мы бились с ним над чем-то ну абсолютно примитивным. Сняли дикое количество дублей, наконец он сказал: «Поздравляю, вы поймали Жар-птицу. Первый кадр снят». И вот, когда мы отсняли всю роль, он признался, что в первый день ничего не получилось... Он не хотел меня травмировать.

— Вы поете в театре, кино, на телевидении, на концертах. Это что — способ самовыражения, заработка денег или вы просто любите петь, вам приятно такое общение со зрителями?

— И то, и другое, и третье. Я всегда любил петь и в компаниях первым делом хватался за гитару.

Я отношусь к пению эгоистически — как актера оно меня обогащает. И потом для меня важен секрет песни, там я могу задеть те человеческие струны, которые минуя в театре и кино. Часто я даже не понимаю, что люди находят в некоторых песнях. Вы помните, я пел когда-то: «Что тебе подарить, человек мой дорогой?» Ну ничего особенного. Но однажды я ехал на концерт в воинскую часть, и женщина-администратор, которая меня везла, говорит: «У нас в семье это самая любимая песня». «Как? Почему? Объясните». И она рассказывает историю о том, как они с мужем поженились. Перед свадьбой они сидят — волнуется страшно, обоих трясет, и он, чтобы разрядить обстановку, говорит: «Я сейчас включу радио, то, что там снажут, будет мой подарок тебе». Включает, а там: «Что тебе подарить, человек мой дорогой, как судьбу благодарить, что свела меня с тобой». И оба заревели. Каждая женщина мечтает услышать такие слова. Она, обвешанная картошкой, сумками, в этих очередях безумных, хочет именно такой любви — чтобы кто-то о ней заботился, считал красивой.

— А своей жене вы говорите такие слова!

— Я бы вообще не хотел касаться этого. Кому ка-

кое дело до того, что там у меня в семье.

— Хорошо, тогда я спрошу вот о чем: вы с женой, актрисой Людмилой Поргиной, работаете в одном театре. Помогает вам это в жизни или мешает?

— Если и мешает, то в одном: раньше я переживал только за себя, а потом, когда поженились, стал переживать еще и за нее. Мучиться, что у нее не получается что-то, что опоздала на репетицию, получила нагоняй. Но, с другой стороны, представьте, как при жуткой моей жизни, кусочек которой вы застали, когда здесь — театр, там — кино, ночью песню записываю, я еле-еле добираюсь до дома и слушаю про какие-нибудь пробирки, формулы, совещания. Ясно, что до конца я в эти проблемы «не врублюсь», половину пропущу мимо ушей. В конце концов каждый из нас будет существовать сам по себе. А здесь — мучаемся, так вместе, радуемся, так тоже вместе.

— Вас часто одолевают поклонницы!

— Да, очень, и порой это бывает мучительно. Хотя я помню и радостные, приятные, трогательные проявления их, ну, скажем так, любви, именно любви к актеру.

— Я слышала, что вы занимались хореографией. Сейчас продолжаете эти занятия!

— Профессионально не занимался никогда. Моя мама — балетмейстер, и я с детства мечтал о профессии танцовщика. Но у мамы сватило мудрости отговорить меня: она видела за свою жизнь столько несчастных балетных судеб.

— А как вам удается поддерживать такую блестящую физическую форму!

— Пытаюсь в любое свободное время играть в теннис. Мне не нравится тупо куда-то бежать или куда-то плыть. А здесь — игра. Во-первых, сродни моей профессии. А во-вторых, теннис называют «шахматами на корте», здесь есть где приложить ум.

— Ваша актерская судьба очень благополучна внешне. А как считаете вы сами!

— Не знаю, про кого можно сказать: счастливая актерская судьба. С одной стороны, может быть, популярность, успех, масса ролей, а с другой — столько несыгранного, несостоявшегося, «проходного».

Когда мы выпустили «Тилья» в середине 70-х, сколько лет о нем молчали. Я безумно хотел, чтобы спектакль сняли на ТВ — неважно как, неважно качество, только бы остался. А сегодня мы уже опоздали. Мы играем этот спектакль 15 лет и не можем делать это вечно. И уж коли мы хотим, чтобы у нас, как Чайка во МХАТе, символом театра был шутовской колпак Тили, то надо полностью менять актерский состав. Или выводить спектакль из репертуара. Ведь он, как человек, рождается, живет, умирает. Правда, сейчас, надеюсь, он умирает не по моей вине. Я, дай-то Бог, какое-то время еще продержусь, полгодика, может.

— Мне как зрителю кажется, что «Тилья» пока умереть не собирается.

— А вы давно смотрели?

— В этом сезоне.

— И что, ничего?

— Да, — ответила я, ничуть не покривив душой, хотя, честно говоря, ждала разочарования. Но его не было.

Было другое: как когда-то от «Тилья» десятилетней давности, увиденного мной еще в школе, впечатление фейерверка, праздника. И еще — возбужденное внимание с той минуты, когда на сцене в том самом знаменитом красном колпаке появился Тилья и улыбнулся залу своей улыбкой — улыбкой Николая Караченцова.

Ольга ШУМЯЦКАЯ.
Фото С. Кузнецова.
Шарж Константина Валога.

№ 1. 01

249